

На правах рукописи

Пархоменко Елена Владимировна

ЯЗЫК КАК СПОСОБ БЫТИЯ СУБЪЕКТА

(на материале локальной языковой системы – воровского арг)

09.00.01– Онтология и теория познания

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени

кандидата философских наук

Краснодар – 2019

Работа выполнена на кафедре истории, философии и психологии федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Кубанский государственный технологический университет».

Научный руководитель – *Хакуз Пишмаф Муратович*, доктор философских наук, профессор, ФГБОУ ВО «Кубанский государственный технологический университет», профессор кафедры истории, философии и психологии.

Официальные оппоненты: *Яковлева Елена Людвиговна*, доктор философских наук, доцент, ЧОУ ВО «Казанский инновационный университет имени В.Г. Тимирязова (ИЭУП)», заведующий кафедрой философии и социально-политических дисциплин;

Суховерхов Антон Владимирович, кандидат философских наук, доцент, ФГБОУ ВО «Кубанский государственный аграрный университет имени И.Т. Трубилина», доцент кафедры философии.

Ведущая организация – ФГБОУ ВО «Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского» (г. Саратов).

Защита состоится на заседании диссертационного совета Д 212.029.03 по защите докторских и кандидатских диссертаций при Волгоградском государственном университете 06 июня 2019 года в 10.30 по адресу: 400062, г. Волгоград, проспект Университетский, 100, ауд. 2-05 В.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Волгоградского государственного университета и на официальном сайте университета: <http://www.volsu.ru>.

Автореферат разослан «_____» _____ 2019 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
доктор философских наук, доцент

Виктория Анатольевна Храпова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Признание постнеклассической онтологией многомерности и разнонаправленности мира актуализирует новые исследования категории бытия в построении локальных моделей (картин мира), которые описывают отдельные аспекты бытия и где слои «объективной реальности» правомерно дополнены слоями «субъективной реальности». Современные реалии, где царят знания без смысла, где технологии вытеснили бытийную природу человека, язык, возможно, остается основным средством, позволяющим активизировать новые ростки знания в освоении бытийности человека, его подлинности. В качестве материала исследования было выбрано воровское арго как своеобразная модель исследуемого объекта. По отношению к арго мы имеем возможность достаточно определенно и однозначно выделить все связи языка и субъекта, языка и истории субъекта, языка и мира, языка и бытия, так как воровской язык – это разновидность языка, обслуживающая определенную социально-культурную прослойку, историю которой можно представить в более или менее законченном виде: с момента появления до настоящего времени. Мутирование признаков криминальной субкультуры, разноплановая криминализация российского общества и его культуры создает необходимость в новых исследовательских программах, выделяющих криминальную онтологию, которая влияет на структуру социума. Размытое терминологическое функционирование криминальных концептов проблематизирует понимание данного феномена, так как фиксирует его в локальных формах, но не фокусирует внимание на его сущности. Современный фрактальный статус криминальных эпистем требует помимо социолингвистического, криминологического и культурологического исследования онтогносеологического анализа криминальной картины мира. Данная стратегия, на наш взгляд, будет способствовать осмыслению надындивидуального характера языка, локальных состояний познавательных процессов и выявлению программ поведения субъекта, предоставляя условия для дальнейшего развития теории познания в ее топических модификациях.

Степень научной разработанности проблемы. Основанием для анализа языка как философского феномена являются исследования, посвященные концептам, образующим онтологические экзистенциалы: Э. Дюркгейма, В. Тернера, Л. Леви-Брюля, Э. Кассирера, А.Н. Уайтхеда и др. Проблемы анализа языка ставились в произведениях А.Ф. Лосева, П.А. Флоренского, М.К. Мамардашвили, А.М. Пятигорского и др. Языковая реальность как проблема психоанализа рассматривалась З. Фрейдом, К. Юнгом, К. Хорни, Э. Фроммом и др. Здесь язык есть символическое выражение двойственности человеческой природы (бессознательного и сознательного начал), а также способ адаптации к новым формам и трагизму человеческого бытия.

Философская база данного диссертационного исследования основывается, в частности, на работах представителей догерменевтической феноменологии Э. Гуссерля, М. Мерло-Понти. Среди классической герменевтической традиции отметим фундаментальные работы М. Хайдеггера, Г. Гадамера, Ф. Шлейермахера, П. Рикера, В. Гумбольта, Г.Г. Шпета. Существенный вклад внесли работы исследователей следующих традиций: аналитической философии языка – Л. Витгенштейна; структурализма – Ф. де Соссюра; постструктурализма – Р. Барта, Ж. Лакана, автора концепции деконструкции Ж. Деррида; семиотики языка – Ч. Морриса, Ю.М. Лотмана и М.М. Бахтина; экзистенциализма – Ж.-П. Сартра, А. Камю; осмысления иррациональных сторон жизни субъекта – Ж. Батая; философии жизни – А. Бергсона; а также исследования В. Биbihина, Ф.-В. Херрманна, В. Руднева. Во второй половине XX – начале XXI века актуализируется биолого-эволюционное, нейрофизиологическое направление в осмыслении языковых проблем. Оно связано прежде всего с работами К. Лоренца, У. Матураны и Ф. Варелы, на базе которых сформировалась концепция аутопоэзиса. В области гносеологии возникает эволюционно-эпистемологическое направление, рассматривающее когнитивную активность как атрибутивное свойство всех живых систем, обусловленное необходимостью выживания. В этом плане язык представляет собой процесс координации языковых субъектов, формирующий

структурное взаимодействие, организующий системное единство как социального порядка, так и взаимодействие системы с внешней средой.

Эмпирический материал представлен в научно-исследовательских работах, посвященных воровскому аргю. В рамках лингвистических исследований представляет большой интерес работа З. Кестер-Тома «Стандарт, субстандарт, нонстандарт», в иерархической модели русского этноязыка которой жаргон, сленг, аргю, ввиду отсутствия системности и ограниченности лексико-фразеологического уровня, относятся к типичным представителям языкового нонстандарта. В.И. Жельвис исследует общую проблему обценной лексики в монографии «Поле брани. Сквернословие как социальная проблема в языках и культурах мира». В.С. Елистратов изучает бытование пласта аргю, характеризует его внутреннюю структуру и определяет влияние на культурное пространство общества. Известный лингвист и социолог М.Г. Грачев, продолжая тему исследования воровского языка (около 25 лет), опубликовал несколько ценных исследований, среди которых «Словарь тысячелетнего русского аргю».

Одно из современных систематических исследований закрытого духовного мира постсоветского арестанта «Современная тюрьма. Быт, традиции и фольклор» принадлежит Е. Ефимовой. Среди локальных работ, отражающих арготический дискурс, выделяются работы С. Свиридова, А. Башарина, А. Плущер-Сарно, И.В. Лысак, Ю.Ю. Черкасова. Особую ценность представляют научные разработки психологического плана – исследования В.П. Беянина, Е. Харламенковой, В.Ф. Пирожкова.

Как видим, круг научно-исследовательских материалов обширен. Вместе с тем не обнаруживается методологический подход, позволяющий синтезировать достижения философов, лингвистов, социологов, культурологов и представить арготический дискурс как модус бытия, формирующий и языковую картину мира субъекта, и самого субъекта. Это соображение позволяет нам следующим образом определить **цель исследования** –

философский анализ влияния языка на бытие субъекта на примере локальной языковой системы – воровского арго.

Объект диссертационного исследования – язык как пространство смыслов, определяющее бытие субъекта.

Предметом исследования является локальная языковая система – воровское арго и ее влияние на бытие субъекта.

Исходя из общей цели, предполагается решение следующих **задач**:

- проанализировать актуальные философские подходы к проблеме языка;
- исследовать особенности генезиса локальной языковой системы – воровского арго;
- выявить специфические черты локальной языковой системы – воровского арго;
- исследовать текстуальность локальной языковой системы;
- выявить специфику понимания локальной языковой системы и ее субъекта;
- рассмотреть особенности взаимодействия субъекта локальной языковой системы с внешней средой.

Ввиду того, что природа предмета данного исследования носит языковой характер, это определяет границы **теоретико-методологической основы** диссертационного исследования. Диссертационное исследование основано на аналитическом подходе в традициях Г. Харта и Л. Витгенштейна. Обращено к онтогносеологическому подходу (С.Л. Франк), что подразумевает безоценочное изучение культуры как особой формы бытия – «второй природы», «вторичной реальности», ведущей к выявлению изначальной реальности. Генетико-феноменологический подход – описание генезиса некоторой целостности, фундаментом которого является феноменологический метод Э. Гуссерля с аспектами диалектического подхода Г.В.Ф. Гегеля применен нами при рассмотрении онтологического становления воровского арго, имеющего стадийный характер, а также при рассмотрении проблемы отношений локальной языковой системы с внешней. Отдельные положения применены с

использованием герменевтических техник: герменевтический круг, вживание, интуитивное проникновение, столкновение смыслов в обозначении специфики понимания арготического дискурса.

Соотнесенность воровского арго как локальной языковой системы с семиотической системой языка более общего порядка требует использования системного подхода и системного анализа, основные принципы которого предложили: Л. фон Бергаланфи, П. Друкер, Р Чандлер, И.В. Блауберг, В.Н. Садовский, Э.Г. Юдин и др. Очень продуктивной в этом плане оказывается концепция аутопоэзиса У. Матураны и Ф. Варелы, связанная с теорией самоорганизации и синергетическим подходом.

Научная новизна результатов диссертационного исследования заключается в следующем:

- обоснован эвристический потенциал эволюционно-эпистемологического подхода к исследованию локальных языковых систем как аутопоэтических;

- выделены исторические стадии формирования и развития локальной языковой системы – воровского арго, обуславливающие специфику картины мира и ее субъекта;

- определены специфические черты локальной языковой системы;

- установлен текстовый характер локальной языковой системы – воровского арго;

- выявлены способы понимания локальной языковой системы и ее субъекта;

- обозначены основные особенности взаимодействия субъекта локальной языковой системы с внешней средой.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Локальная языковая система представляет собой множество скоординированных между собой языковых элементов, присущих коллективному субъекту определенного социокультурного уровня, которые составляют закрытое семиотическое пространство, общее для группы людей. Социокультурные и языковые особенности генезиса локальной языковой

картины мира, а также обнаруженные экзистенциалы с характеристикой ядра системы, его становления и условия динамики, с выбранным пространственно-временным масштабом наблюдения и стадийным описанием его явлений позволяют применить стратегию «валидационного теста VM&U», предложенного Х. Урестаразу, и обозначить локальную языковую систему как аутопоэтическое единство.

2. Локальная языковая система – воровское аргю проходит 4 стадии исторического пути становления и развития: первая стадия хронологически охватывает эпоху феодализма; вторая – весь XIX век вплоть до революции 1917 года; третья – советский период российской истории; четвертая – с 90-х годов XX века до настоящего времени. Обозначенные этапы, сформировавшиеся под влиянием социально-экономических и политических факторов при константе языкового заимствования, обуславливают специфику картины мира субъекта локальной языковой системы.

3. Локальная языковая система – воровское аргю обладает следующими специфическими чертами:

1) различие, возникающее за счет специфического кодирования знания, важного для существования субъекта-носителя локальной языковой системы;

2) наличие экзистенциалов, проявляющихся в лексико-семантическом плане локальной языковой системы, выражающих базовые переживания языкового субъекта относительно способа его существования;

3) наличие в локальной языковой системе знания, вырабатывающегося в ходе структурного сопряжения: классификации, иерархии уровней существования субъектов языка, их ценностей, определяемого целью существования субъекта языка и характером структурного сопряжения;

4) депрециативность той или иной степени, возникающая как следствие противоречия между бытийными основаниями внешнего субъекта и внутреннего по отношению к локальной языковой системе;

5) периферийность, которая может доходить до обценной степени, приводящей к состоянию вызова внешней среде.

4. Воровское арго обладает такими характерными чертами текстуальности, как: взаимосвязанность всех элементов; трансуровневый характер связи между элементами; отсутствие текстовых случайностей, за каждым поверхностным и единичным проявлением текста наличие закономерностей, носящих мифологический характер; сложные взаимоотношения с реальностью, антитеза истинности-ложности двух миров; текст-сигнал, передающий информацию от одного сознания к другому и поэтому не существующий вне воспринимающего его сознания.

5. Особенности процесса понимания смыслов в локальной языковой системе демонстрируют такие герменевтические приемы, как: вживание, интуитивное проникновение, столкновение смыслов, включение в другой контекст, герменевтический круг, работающие в двух интерпретаторских плоскостях: *носитель/неноситель*. Данные стратегии интуитивно используются носителями с целью демаркации *свой/чужой*, в качестве социального лифта в среде «своих», и, наконец, как способ сохранения самой субкультуры.

6. Обстоятельства, определяющие бытие субъекта локальной языковой системы и специфику его взаимоотношений с окружающим миром, заключаются в следующем:

- структурное сопряжение с внешней средой,
- каноничность (структурная жесткость внутреннего пространства локальной языковой системы),
- возникновение на основании этой каноничности экзистенциального напряжения,
- кодовый характер локальной языковой системы.

Теоретическая значимость исследования заключается в раскрытии специфики функционирования локальной языковой системы. На примере возникновения и развития воровского арго как разновидности локальной языковой системы были исследованы условия и способы существования локальных языковых систем в контексте более широкой языковой среды. В диссертационном исследовании раскрывается специфика смысловой

многослойности локальной языковой системы, определяются экзистенциальные ориентиры субъекта локальной языковой системы, роль языка во взаимоотношениях субъекта языка с миром.

Практическая значимость исследования. Результаты диссертационного исследования могут быть применены при подготовке лекционных курсов по философии бытия и познания, философии языка, разработке процедур интерпретации философских текстов. Данная работа может быть использована как приложение в русле отдельных тем социальной философии и философии языка. Практическая значимость в социальном ключе заключается в создании полноценного образа феномена воровского арга. Выделенные в работе особенности локальной языковой системы могут использоваться при разработке теории языка как сложной адаптивной системы, работающей в разных временных масштабах, а также при обозначении новых возможностей для исследований, посвященных проблеме формирования вторичной языковой личности.

Апробация результатов диссертационного исследования. Доклады по основным положениям диссертации были представлены на научных конференциях различного уровня: Международная научно-практическая конференция «Наука и образование в XXI веке», Москва, 30 декабря 2013 г.; VII международная научно-практическая конференция «Новое слово в науке: перспективы развития», Чебоксары, 15.01 2016 г. и др.

По материалам диссертации опубликованы 23 работы: в том числе 9 статей в рецензируемых изданиях, рекомендованных ВАК Минобрнауки России, и другие, общим объемом более 8,5 п.л.

Структура и объем диссертационного исследования. Диссертация состоит из введения, трех глав основного текста, восьми параграфов, заключения и списка использованной литературы, включающего 213 источников, в том числе 12 на иностранном языке. Общий объем диссертации 166 страниц.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во **Введении** обосновывается актуальность темы, освещается степень научной разработанности проблемы, формулируются цель и задачи исследования, определяются его методологические основания, научная новизна, теоретическая и практическая значимость, излагаются положения, выносимые на защиту.

Первая глава **«Язык как предмет философского анализа»** посвящена изучению актуальных философских концепций исследования языка. Автор обращается к рассмотрению их специфики, чтобы определить основу для анализа локальной языковой системы.

В первом параграфе **«Философия языка в герменевтико-феноменологическом направлении»** рассматривается концепция Э. Гуссерля и М. Мерло-Понти, в которой язык представлен как зеркало, показывающее работу всех актов сознания, и может быть схвачен в средоточии настоящего как интенциональный анализ сознания. Основным значением логоса М. Хайдеггер называет речь, делающую очевидным что-либо, что и является ее сущностью безотносительно придания значения конкретным субъектом. Хайдеггер непосредственно связывает язык и видение: фактически даже самые простые наши восприятия и схватывания всегда уже выражены и, более того, определенным образом проинтерпретированы. М. Хайдеггер подчеркивает, что только перед субъектом мир распаивает свои врата.

Взгляды на язык представителей феноменологического направления послужили основанием для полемики и появления новых тенденций в понимании языка. В рамках герменевтико-феноменологического направления реализуется представление о языке как о возможности высвобождения жизни и переживания. Теоретическая ориентация философии языка осознается теперь как сама жизнь и получает возможность показывать себя в наиболее своем бытийном характере. Экзистенция должна пониматься на примере историчности конкретного языка. Далее понимание того, что мысль порождена языком и неотделима от него и что язык тесно связан с действием и

человеческими практиками в их исторической специфике, актуализировало новые попытки поиска подходов в философии языка.

Во втором параграфе *«Проблемы языка в аналитико-постмодернистском направлении»* утверждается, что важным шагом постижения онтологического статуса языка явилось появление аналитического и постмодернистского направлений, считавших собственно философию философией языка и сделавших предметом своего исследования текст, который показывает все богатство сознания и деятельности человека, данных в языке.

Язык обозначен как деятельность, форма жизненной игры, где правила не заданы изначально, а формируются в сообществе, задачей философии является изучение правил языковых игр, где особое значение имеют такие изначально феномены, как вера, доверие и убежденность. Изучение отношения к обозначаемым объектам, а также к людям, употребляющим данный язык, делает необходимым использование семиотики в философии языка, так как семиотика является прагматикой и «наукой о опосредованном знаками поведении человека». Язык есть не что иное, как intersубъективная коллекция знаковых проводников, применение которых детерминировано синтаксическими, семантическими и прагматическими правилами, которые философия призвана обозначить.

Языковая картина мира оказывается подчиненной некоему циклу, образуя своего рода новую апорию Зенона, которую пытаются осмыслить и другие философские течения, среди которых одним из самых популярных направлений философии языка является постмодернизм (Ж. Деррида, Р. Барт), считавший язык универсальной средой чувственности человека. Задачей философии является освобождение этой чувственности путем разложения текста с целью вызова возвышенных чувств – от удовольствия и наслаждения до боли и страданий. Явившись своего рода новым этапом философии структурализма, постмодерн в своих концепциях использует его базовую идею об операции членения и монтажа, прослеживающуюся в работах Ж. Деррида и Р. Барта. Расчленив первичный объект – значит обнаружить в нем подвижные

фрагменты, взаимное расположение которых порождает некоторый смысл; малейшие изменения, затрагивающие его конфигурацию, вызывают изменение целого. Определив единицы, необходимо выявить или закрепить за ними правила взаимного соединения. Объект, таким образом, принадлежит к области функционального.

В третьем параграфе «*Особенности эволюционно-эпистемологического понимания языка*» рассматриваются идеи У. Матураны и Ф. Варелы. В контексте их исследования аутопоэзис можно рассматривать как паттерн, лежащий в основе феномена самоорганизации или автономии. Это важное характерное свойство всех живых систем. Через взаимодействие с окружающей средой живые организмы непрерывно поддерживают и обновляют себя; они используют для этого ресурсы из окружающей среды. Более того, постоянное самосоздание включает также способность формировать новые структуры и новые паттерны поведения.

Аутопоэтическую теорию У. Матураны и Ф. Варелы можно рассматривать в качестве эффективного подхода к проблеме сущности языка по следующим основаниям:

– аутопоэтическая теория внутренне поддерживает внимание к трем развивающимся темам в исследованиях познания, коммуникации и социальных систем (системной перспективе, авто-детерминации, контекстуализации);

– основной стратегией энактивизма как нового направления теории аутопоэзиса (Ф. Варела, Э. Томпсон, Э. Рош) является смещение фокуса на взаимодействия, через которые осуществляется жизненный опыт, а «знание является результатом постоянной интерпретации, которая возникает из наших возможностей понимания. Эти способности коренятся в структурах нашего биологического воплощения, но они живут и переживаются в домене консенсусных действий и культурной истории... они представляют собой структуры, с помощью которых мы существуем таким образом, чтобы «иметь мир».

И, наконец, возвращаясь к следствиям обладания языком, с точки зрения концепции аутопоэзиса, необходимо сказать, что язык не служит средством для «открытия» некоего объективного мира. Он представляет собой способ структурного сопряжения человека с другими людьми и с миром, процесс взаимосотворения себя и мира в самом широком понимании слова «мир». Мы можем заключить, что для человека язык представляет собой то же, что мембрана для клетки, сформированная в процессе эволюции. Процесс структурного сопряжения со средой приводит к: 1) различению и разграничению субъекта языка и окружающей среды – системы более широкого уровня; 2) познанию окружающей среды и коррекции своей деятельности в соответствии с полученным знанием; 3) взаимодействию субъекта языка со структурно гомогенными и негомогенными субъектами для выживания и сохранения структурной целостности (существования) на основе общего принципа (паттерна), что совпадает с реализацией двух предыдущих процессов. Языковой субъект, как индивидуальный, так и коллективный, осуществляет взаимосопряжение, раскрывая самого себя, находя самого себя как непрестанную трансформацию в мире.

Вторая глава **«Становление и специфические черты локальной языковой системы – воровского арга»** посвящена особенностям формирования локальной языковой системы.

В первом параграфе **«Социокультурные и языковые особенности генезиса локальной языковой системы – воровского арга»** отмечается, что в научном обороте зафиксировано несколько обозначений такого особого лексико-фразеологического явления исторического значения, как воровское арга, называемого также «феня», «блатная музыка», «воровской жаргон». Исторически первой формой данного явления в языковом поле считается «феня», происхождение которой исследователи (В. Даль, В.Д. Бондалетов) связывали с существованием в средневековой Руси слоя бродячих торговцев, называвших себя офенями.

Все рассматриваемые термины (феня, блатная музыка, воровской жаргон, воровское аргю), безусловно, отражают специфику средства общения определенных обособленных групп. Они все по праву встречаются в научных исследованиях в рамках изучения определенных исторических периодов становления рассматриваемого феномена – воровского аргю. В тот момент, когда произошло секвестирование социальной группы, профессиональный вор стал ядром будущей клетки субкультуры («первое замыкание»).

Под «первым замыканием» нами понимается ограничение определенной социальной группы, призванной сохранить в своем круге ценности, отношения, нормы поведения и само поведение от среды, не разделяющей понимание их картины мира; сохранения за собой определенных функций (регламентирующей, охранной, демаркирующей, интегрирующей). Параллельно формируется процесс второго замыкания. Он представляет собой многоэтапное принудительное ограничение («замыкание») криминогенной социальной группы в пенитенциарных учреждениях, выраженное в государственной регламентации нормативно-правовыми актами, итогом которых будет двойное замыкание.

Первая стадия развития воровского аргю хронологически охватывает эпоху феодализма. В этот период развитие аргю шло совершенно независимо от разговорного языка. Для него характерно: а) выделение социальной группы, ведущей бродячий образ жизни, но растворенной в похожих обществах; б) существование (выделение) исходных источников-первооснов для будущего воровского аргю в рамках языковых структур и социальных групп, с которыми шел процесс взаимодействия (условный язык офеней, скоморошья культура, условные языки различных специализаций ремесленников – портных, шерстобитов и др., особенно у тех, кто занимался отхожими промыслами); в) заимствования из стандартного языка и иноязычных потоков. Необходимо упомянуть, что последний признак характерен для всех стадий становления воровского аргю.

Вторая стадия охватывает весь XIX век вплоть до революции 1917 года и характеризуется: а) выделением собственно самого аргю, приобретение им характерных свойств и черт; б) обособлением от стандарта (помимо выделения воровского языка в нонстандарт, он и сам дифференцируется по специальным жаргонам конкретных воровских «профессий»); в) интернациональностью, обусловленной заимствованиями из цыганского, еврейского, немецкого и других языков.

Советский период российской истории хронологически приравнивается к **третьей стадии** развития воровского аргю. В это время окончательно оформилась субкультура воровского сообщества. Среди наиболее существенных черт можно выделить: а) структурирование иерархии носителей, названной мастями (с лёгкостью перехода из более высокой касты в более низкую); б) оформление своеобразного «кодекса поведения» в форме императива.

С 90-х годов XX века начинается **четвертая стадия**, которая характеризуется максимальным нивелированием границ Носитель – Неноситель.

Обозначенные этапы, сформировавшиеся под влиянием социально-экономических и политических факторов при константе языкового заимствования, обуславливают специфику картины мира субъекта локальной языковой системы.

Во втором параграфе «*Специфические черты локальной языковой системы – воровского аргю*» исследуется, как основополагающие экзистенциалы выявляются через следующие особенности локальной языковой системы.

1. Депрециативность (упадок цены чего-либо; оценка ниже стоимости; лишение достоинства) к внешнему миру. Носители воровского языка иронично относятся к ценностям, культивируемым в социуме. Традиционные тюремные афоризмы выражают идеологию презрения к властям и всему людскому «стаду».

2. Семантический юмор. Более всего ценится удачная – порой мрачновато-абсурдная, метафоричная – игра слов. Для того чтобы противостоять чужому внешнему миру и его ценностям, необходимо, как видно из первой лексико-семантической особенности, обесценивать значимые для чуждых внутреннему кругу объекты. Смех представляет собой оптимальный способ этого добиться. Кроме того, юмористический иронический пафос создает противопоставление субъекта этого пафоса и чуждого этому субъекту. С противопоставлением связана следующая особенность.

3. Воровскому аргю присущ вызов. Вызов всему: обществу, государству, властям, администрации, себе подобным.

4. Краткость воровского аргю. Этот язык использует в основном простые, часто неполные предложения, выражающие максимально сжатые и емкие мысли.

Кроме того, можно выделить ряд функций воровского аргю:

1) Катарсическая функция заключается в том, что носители языка получают удовольствие, «ругаются» для забавы.

2) Конспиративная (опознавательная, личностно-установочная, стремящаяся к сплоченности) функция способствует более тесной консолидации и недопущению в свою среду чуждых элементов.

3) Номинативная функция заключается в создании новых слов для обозначения тех реалий, которые имеются в их жизни и отсутствуют в языке чуждых им социальных групп.

4) Ассенизаторская (очистительная) функция заключается в том, что аргю является менее травмоопасным способом выражения агрессии. Это своеобразное дуэльное средство (игра, ритуальная дуэль).

5) Мировоззренческая функция. Сниженность и вульгаризм воровской речи – особенность нашего восприятия, а в восприятии самого вора она носит героический, приподнятый характер.

б) Магическая функция подразумевает уверенность носителей воровского аргю в способности слова влиять на происходящие события. Неудачно сказанное слово может навлечь несчастья, провалить начатое дело.

Можно сделать вывод, что образующаяся в результате структурного сопряжения локальная языковая система-мембрана приобретает ряд особенностей: 1) различие, возникающее за счет специфического кодирования знания, важного для существования субъекта-носителя локальной языковой системы; 2) наличие экзистенциалов, проявляющихся в лексико-семантическом плане локальной языковой системы, выражающих базовые переживания языкового субъекта относительно его способа существования; 3) наличие в локальной языковой системе знания, вырабатывающегося в ходе структурного сопряжения: классификации, иерархии уровней существования субъектов языка, их ценностей; 4) прециативность той или иной степени, возникающая как следствие противоречия между бытийными основаниями внешнего субъекта и внутреннего по отношению к локальной языковой системе; 5) периферийность, которая может доходить до обценной степени, как это присуще воровскому аргю, приводящая в некоторых случаях к состоянию вызова внешней среде.

Локальная языковая система представляет собой множество скоординированных между собой языковых элементов, присущих коллективному субъекту определенного социокультурного уровня, которые составляют закрытое семиотическое пространство, общее для группы людей. Социокультурные и языковые особенности генезиса локальной языковой картины мира, а также обнаруженные экзистенциалы с характеристикой ядра системы, его становления и условия динамики, с выбранным пространственно-временным масштабом наблюдения и стадийным описанием его явлений позволяют применить стратегию «валидационного теста VM&U», предложенного Х. Урестаразу, и обозначить локальную языковую систему как аутопоэтическое единство.

Третья глава «**Специфика бытия субъекта локальной языковой системы – воровского арга**» посвящена тому, как взаимосвязаны в языке бытийные и когнитивные аспекты субъекта локальной языковой системы.

В первом параграфе «*Текстовый характер локальной языковой системы*» воровское арга рассматривается как разновидность текста. В качестве теоретической и методологической предпосылки такой трактовки используется концепция текста Ю.М. Лотмана. Необходимыми условиями, при которых некоторая реальность рассматривается как текст, являются:

- 1) наличие читателя, который априори будет в диалоге. Так, например, представляя собой особое пространство, связанное с картиной мира носителя, воровские тату влияют в том числе и на мир за ней, транслируя некую информацию, и представляют собой диалогичный ряд;
- 2) системный характер;
- 3) временная дистанция. Индекс информативности потенциальных восприятий зависит от историчности текста. Примером, отвечающим данному условию, служат различные предания о «ворах-героях» (Сонька Золотая Ручка);
- 4) двойная кодировка. Так, например, сообщение, определяемое как «рюкзак», одновременно принадлежит и естественному, и воровскому языку, составляя в первом случае заплечный вещевой мешок, а во втором – горб.

Воровской язык отвечает всем вышеперечисленным условиям восприятия реальности как текста. Теперь нам необходимо определить формально-содержательные параметры дискурса. Прежде всего определим такую особенность арготического текста, которая в психолингвистике обозначена понятием «темный» текст. С точки зрения содержания в нем преобладают два мотива – тоска и смех. «Тоска» не только сопровождает события, разворачивающиеся в «темном» тексте, она давит, заставляет героя активно действовать, избавляться от самой себя. Но, кроме того, возможен также переход от тоски к ярости и от состояния удовлетворения к злобе. В «темных» текстах важную роль играет смех. Обычно смех героя «темного» текста связан

не с радостью, а со злорадством: смех является следствием разрядки напряженности для персонажа, выражением удовольствия или радости.

Рассмотренный семантический план обуславливает формирование формальных аспектов арготического текста.

1. Все элементы дискурса взаимосвязаны. Каждый элемент текста отсылает к следующему по сложности, составляя герменевтический круг.

2. Связь между элементами текста носит трансуровневый характер и проявляется в виде повторяющихся и варьирующихся единиц – мотивов.

3. В тексте не может быть случайных составляющих, поэтому наличие свободных ассоциаций расширяет горизонты смысла. Все составляющие текст знаки несут в себе определенные коды. Предельное разделение знака и кода является главным условием наличия свободных ассоциаций. Данный фактор полностью обеспечивается знанием кода только носителями закрытой субкультуры.

4. За каждым поверхностным и единичным проявлением текста лежат глубинные и универсальные закономерности, носящие отчасти мифологический характер.

5. Текст описывает реальность и вступает с ней в сложные взаимоотношения. Так как временная дистанция позволяет тексту обрастать информацией и конденсировать ее, то он структурно усложняется и «приобретает память», что позволяет трансформировать сообщения и вырабатывает новые.

6. То, что истинно в одном тексте (возможном мире), может быть ложным в другом (тезис семантики возможных миров). Внутри своей субкультуры и вне ее арг дешифруется по-разному.

7. Текст – импульс, способный передавать информацию от сознания к сознанию и поэтому автономно не существующий.

Локальная языковая система, представленная в исследовании воровским аргом, является многослойной структурой, понимание смысла которой предполагает применение ряда герменевтических стратегий. Еще большую

специфичность процессу интерпретации арготических текстов придает основная функция арго – намеренного кодирования смысла с целью отграничить «своих» от «чужих».

Следующий параграф *«Специфика понимания воровского арго и его субъекта»* посвящен рассмотрению особенностей воровского арго на примере использования таких герменевтических приемов, как вживание, интуитивное проникновение, столкновение смыслов, герменевтический круг.

Текст представляет собой личностную интерпретацию действительности. Носитель описывает те фрагменты действительности, с которыми он знаком; развивает такие соображения, которые ему близки и понятны; использует языковые элементы и метафоры, которые наполнены для него личностным смыслом. Рождается легкая маска непринужденности, веселости, игры, за которой скрывается стандарт восприятия себя через другого только с помощью выхода за предел. Это разрушительный и самоубийственный опыт, который уводит за грани порядка, игра со смертью, вступив в которую индивид оказывается вырванным из самого существования. К. Уилбер называет это «пиковым опытом», который представляет собой недолговечные, но способные оставлять след на всю жизнь человека прорывы сознания на более высокий уровень бытия. Согласно П. Рикеру, изучаемая нами система демонстрирует процесс «взрыва» символического потенциала текста, который он называет «распечатыванием» и указывает, что основой этого «взрыва» и «распечатывания» является антиномия языка и дискурса, которая создает пространство и возможность для выхода смыслов и самого бытия за пределы наличного бытия. Таким образом, техника вживания сливается с техникой интуитивного проникновения (специфика понимания арготического текста) и оголяет предельные границы состояния психики носителя/неносителя. Отметим следующее знаковое обстоятельство: данная стратегия выполняет одновременно маркирующую функцию (свой/чужой) и рефлексивную, выступая своеобразным психическим тренажером, что свидетельствует о двойном интерпретаторском движении восходящего усложнения.

Следующим приемом становится стратегия столкновения смыслов. В языковом поле смысловые токи движутся не только по горизонтальным пластам, но и по вертикали, образуя сложные диалоги между разными ее пластами; данное свойство отражено и в воровском аргю. Символизм пронизывает картину мира представителя воровской субкультуры вследствие того, что основная черта символа – избыточность смысла: в структуре значения один смысловой пласт естественным образом наслаивается на другой, тем самым усложняя ее. Одним из показательных примеров наличия столкновения смыслов служат разновидности кличек, а также татуировок-аббревиатур с несколькими изначально заданными смыслами, что позволяет моментально идентифицировать для себя компетентность другого и, следовательно, множество форматов дискурса.

Контекстуальный подход в процессе понимания воровского аргю имеет свою специфику за счет быстрой смены регистров текст-контекст. Техника столкновения смыслов за счет такого свойства языка, как двуголосие, работающее в формате «текст-контекст», позволяет сохранить носителю демаркацию «свой-чужой» путем создания многообразных языковых игр.

Герменевтический круг – еще один герменевтический прием, который способен отразить специфику воровского аргю. Целое и часть переплетаются в воровском аргю и на трансцендентном (бытийном) уровне. Все приемы используются с целью демаркации «свой/чужой», а также в качестве социального лифта в среде «своих», и, наконец, как способ сохранения самой субкультуры.

В параграфе 3.3. *«Особенности взаимодействия субъекта локальной языковой системы с внешней средой»* рассматривается положение изучаемого феномена в современной действительности. Сформировавшись как язык определенного типа носителей, аргю употреблялся в конкретных пространственных и психотипических пределах. Поэтому основополагающим принципом было умение разграничивать ситуации (контексты), где этот язык употреблять необходимо/возможно/категорически нельзя. В данный момент эта

максима потеряна по причине разгерметизации пространства коллективного субъекта воровского аргю, обозначенной нами в первом параграфе второй главы.

Если напряжение носителя аргю характеризовалось ограничением пространства, то для современного человека стресс связан с отсутствием времени на осмысление происходящего и невозможностью выразить его. Современный субъект всему открыт, но воспринимает все как знаковую поверхность. Быстрая смена означающих не позволяет проникнуть в сферу знака, и сознание словно срывается с семиотической оси и утрачивает способность к трансценденции.

Коммуникационное пространство современного человека (интернет) функционирует в условиях упразднения всех иерархических различий и барьеров между людьми и отмены некоторых норм и запретов стандартной жизни. Таким образом, создается особый идеально-реальный тип общения между людьми, невозможный в обычной жизни.

Речевая агрессия, гламур, сплавы, симулякры как формы воровского языка в этой системе координат не являются признаком болезни, а скорее нормой, естественным состоянием языковой картины мира, так как все это новые составные части карнавального мироощущения XXI века.

На одном из своих уровней аргю выполняет и коммуникативную функцию, когда один носитель сообщает другому некую важную информацию, которая должна быть скрыта от понимания посторонними, чужими для этого коллективного субъекта. Это один уровень диалектического единства, когда язык не только раскрывает, но и утаивает. Но одновременно – и в этом состоит другой уровень диалектического единства – эта локальная языковая система помещает субъект в пограничную ситуацию, в которой высветляются его личные качества, его экзистенция, когда он познает меру своей собственной значимости.

Бытие субъекта локальной языковой среды подразумевает постоянную экзистенциальную актуализацию этого субъекта. Происходит некоторая

театрализованность текста воровского аргю, когда приходится «выражать» себя в каждом коммуникативном акте так, чтобы у других возникало ощущение родственности, а не чуждости. И это порождает ситуацию взаимоопределения играемой роли и бытия субъекта. Невозможно просто изображать носителя, т.к. погружение в эту языковую среду подразумевает обстоятельства, пребывание в которых формирует субъекта-носителя локальной языковой системы и, соответственно, определяет его бытие как подлинного, а не мнимого субъекта.

Проведенное нами исследование позволяет также реконструировать криминальную картину мира, где в качестве основного способа описания действительности является система бинарных оппозиций:

– *высокое (божественное, чистое) / низкое (дьявольское, нечистое)* снимается за счет восприятия мест лишения свободы как скверного и как места очищения;

– *объективное / субъективное* снимается за счет сложной семиотической системы, где интерпретация знака зависит в первую очередь от контекста;

– *пространство / время* снимается за счет нелинейной связи данных категорий (предельное замедление или нивелирование времени осуществляется с помощью создания после суда времени-пространства);

Таким образом, основой структуры являются нелинейные связи и адихотомичность противоположных онтологических категорий. Исходя из того, что точкой бифуркации развития локальной языковой системы явилось внешнее замыкание (кризисная ситуация для субъекта), именно мифологический тип мировоззрения как универсальная адаптационная схема стал базовым для данной картины мира, на которую наслаивались фрагментарно и другие типы мировоззрений и которые могут определяться ими лишь локально. Это сформировало «профессиональное» мировоззрение – особую систему взглядов на мир, где системообразующим фактором явились социальные ценности конкретной деятельности, поведения и общения людей.

Таким образом, обстоятельства, определяющие бытие субъекта локальной языковой системы и специфику его взаимоотношений с окружающим миром, заключаются в следующем: – структурное сопряжение с внешней средой, выражающееся в противостоянии, вызове этой среде и одновременной взаимной необходимости существования этого взаимодействия;

– каноничность внутреннего пространства локальной языковой системы, возникающая в связи с давлением внешней среды и ограниченностью как физического, так и социокультурного пространства;

– возникновение на основании этой каноничности экзистенциального напряжения (разрыва между идеальным самоосмыслением субъекта и текстовой реальностью), пограничной ситуации, позволяющей выявить экзистенциальный план субъекта локальной языковой системы;

– кодовый характер локальной языковой системы, выражающийся в способности субъекта через углубление в эту систему и создаваемое ею поле самоформироваться, выстраивать структурное сопряжение с миром через взаимную координацию экзистенций субъектов взаимодействия.

В **Заключении** представлены основные выводы диссертационной работы и дальнейшие перспективы исследования.

ОСНОВНЫЕ ПУБЛИКАЦИИ ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИИ

Научные статьи в журналах, рекомендованных ВАК РФ

1. Пархоменко, Е. В. Герменевтическая рефлексия как философский метод осмысления криминальной субкультуры [Текст] / Е.В.Пархоменко // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1. Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. – 2010. – Выпуск 4 (69). – С. 56–62 (0,8 п.л).
2. Пархоменко, Е. В. Арго как разновидность текста [Текст] / Е.В.Пархоменко // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1. Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. – 2011. – Выпуск 3(85). – С. 43–49 (0,8 п.л).

3. Пархоменко, Е. В. Современный язык как симулякр «дома бытия» [Текст] / Е. В. Пархоменко // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2013. – № 5 (21). – С. 318–321 (0,4 п.л.).
4. Пархоменко, Е. В. Воровской жаргон как «химерическая культура» языковой картины мира [Текст] / Е.В.Пархоменко // Теория и практика общественного развития. – 2014. – № 16. – С. 229–232 (0,4 п.л.).
5. Пархоменко, Е. В. Язык как «дом бытия»: от логоса к многослойности [Текст] / Е. В. Пархоменко // Общество: философия, история, культура. – 2016. – № 8. – С. 42–44 (0,3 п.л.).
6. Пархоменко, Е. В. Падение Dasein в «доме бытия» [Текст] / Е.В. Пархоменко // Общество: философия, история, культура. – 2017. – № 9. – С. 39–42 (0,4 п.л.).
7. Пархоменко, Е. В. Lebenswelt как языковая игра [Текст] / Е.В. Пархоменко // Общество: философия, история, культура. – 2017. – № 8. – С. 69–71 (0,3 п.л.).
8. Пархоменко, Е. В. Инаковость как отстраивание себя в пространстве языковой картины мира [Текст] / И.А. Аполлонов, Е.В. Пархоменко // Общество: философия, история, культура. – 2017. – № 12. – С. 22–25 (0,4 п.л.)
9. Пархоменко, Е. В. Сущность языка как ключевой концепт эволюционной эпистемологии [Текст] / Е. В. Пархоменко // Евразийский юридический журнал. – 2018. – № 11 (126). – С. 459–463 (0,6 п.л.).

Публикации в других научных изданиях

10. Пархоменко, Е. В. Речевая агрессия как коммуникативное явление [Текст] / Е. В. Пархоменко // Россия и Кавказ в пространстве единой державы: Материалы Международной научно-практической конференции. Краснодар: НЧОУ ВПО «Кубанский Социально-экономический институт». –2014. – С. 201–208 (0,4 п.л.).
11. Пархоменко, Е. В. Современный язык: от агрессии к симуляции [Текст] / Е. В. Пархоменко // Голос минувшего. Кубанский исторический журнал. Краснодар: ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет». – 2015. № 1–2. – С. 200–206 (0,8 п.л.).

12. Пархоменко, Е. В. Специфика герменевтических стратегий в изучении воровского аргю // Образование и наука: современные тренды. Серия «Научно-методическая библиотека» [Текст] / Е. В. Пархоменко / гл. ред. О.Н. Широков. – Чебоксары: ЦНС «Интерактив плюс», 2016. – С. 23–30 (0,5 п.л.)